

Стабильность былинного текста и манера исполнения сказителя

Устойчивость фольклорных текстов зависит не только от объективных факторов (степень сохранности местной традиции, жанровая принадлежность произведения, прозаическая или песенно-стихотворная, коллективная или индивидуальная форма исполнения), но и от ряда причин субъективного характера (поэтическая одаренность певца или рассказчика, своеобразие его исполнительской манеры). В русском эпосоведении плодотворную роль сыграла предложенная А.М. Астаховой классификация сказителей, основанная на том, «как они воспринимают, а затем воссоздают былины». Ее ключевые положения приняты на вооружение как исследователями эпоса, так и некоторыми сказковедами (Е. Шастина, Р. Матвеева и др.). Однако деление сказителей на три категории (передатчики, творцы и импровизаторы) порой производится механически, без учета сложной текстовой конкретики; за сказителями «намертво» закрепляется репутация «передатчиков» или «импровизаторов», не всегда приложимая ко всем их былинам¹. Между тем в творческом наследии эпического певца нередко сосуществуют признаки разных типов эпической памяти и обусловленных этим разных манер исполнения, а степень стабильности текстов и их фрагментов может заметно различаться.

Характеризуя исполнительскую манеру сказителей творческого склада, А.М. Астахова вслед за А.Ф. Гильфердингом подчеркивала, что от своих учителей они усваивали лишь «общий остов» былины, постепенно вырабатывали «собственный, постоянный текст», который в дальнейшем «остается неизменным и варьируется лишь в деталях»². Наиболее ярким представителем такого типа эпической памяти считается Т.Г. Рябинин³. Однако в эту привычную схему вписываются далеко не все его эпические песни. Судя по всему, некоторые старины не входили в активную часть его репертуара; возможно, он никогда не исполнял их публично и соглашался на запись лишь уступая настойчивым просьбам собирателей. Это — фрагментарные или предельно

стяженные тексты: «Самсон», «Святогор и Илья Муромец», обе версии «Михайла Потыка», «Сорок калик», «Василий Буслаев и новгородцы», «Садко», «Скопин»⁴. Прославленному сказителю не всегда удавалось выдержать их в чеканном формульном стиле. Ряд эпизодов он изложил рубленой прозой, а отдельные тирады оформил в не свойственном ему импровизационном стиле:

Дала ему крепостную служаночку
И выгнала скитаться между дворами
Со этой крепостной служаночкой;
И ходил он скитаться между дворами⁵.

Более того, в творческом наследии Рябинина есть тексты, в которые механически включены большие по объему фрагменты других эпических песен (эпизод с «тягой земной», прикрепившийся к имени Самсона⁶; описание смерти Василия Буслаева, которым певец дополнил свой невыразительный вариант старины о соперничестве героя с новгородцами⁷), и даже контаминация произведений разных жанров — былины «Наезд литовцев» с исторической песней о Скопине⁸.

При сопоставлении записей Рыбникова и Гильфердинга, а также подстрочных примечаний, в которых первый собиратель зафиксировал расхождения при повторном прослушивании тех же старин, выясняется, что лучшие былины Рябинина, заслуженно снискавшие репутацию хрестоматийных, тоже не отличаются высокой степенью стабильности. Ради экономии времени не будем приводить примеры варьирования на уровне естественной «вибрации фольклорного текста» (перестановки отдельных стихов, синонимичные замены, дополнительные повторы и т.п.); об этом не раз писали Б.Н. Путилов, В.М. Гацак и другие исследователи. Обратимся к более существенным различиям содержательного и даже структурного плана.

При первом исполнении былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» сказитель назвал поименно всех трех дочерей Соловья («Невеея», «Ненила» и «Пелька»); в записи А.Ф. Гильфердинга их имена отсутствуют. В подстрочном примечании П.Н. Рыбников привел описание неудачного нападения на богатыря одной из сестер, завершившееся разорением «гнезда Соловьего»⁹. Этот эпизод опущен в обоих полных вариантах. Еще шире диапазон варьирования в знаменитой рябининской старине «Вольга и Микула»¹⁰. Сказитель использовал другой зачин:

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да переставился.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольга Святославгович.

В первой по времени записи былина начиналась иначе:

Когда воссияло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зародился молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославгович.

При повторном исполнении певец добавил немало стихов поясняющего характера, последовательнее использовал факультативные повторы (строки 34—36, 39, 54, 82—85, 87, 93—94, 97, 104 и др.). Возможно, это связано с тем, что Гильфердинг записывал былинку с пения, а не под диктовку. Более или менее важным можно считать лишь одно дополнение — описание тщетной попытки всей дружины Вольги убрать сошку Микулы Селяниновича (строки 126—136); во время первой записи Рябинин пропустил этот эпизод, ограничившись рассказом о безуспешных попытках пяти и десяти дружинников. Сличавший рукописи А.Ф. Гильфердинга В.Г. Базанов пришел к выводу, что существовал еще и третий вариант этой быliny, в котором отсутствовали все три попытки дружинников вытащить соху из земли и бросить ее за ракитов куст¹¹. Эти эпизоды составляют 40 % от общего объема текста (строки 80—153). Сдержанный отзыв Микулы о дружине Вольги:

То немудрая дружинишка хоробрая

позднее был заменен более хлестким и выразительным:

Не дружинишка тут есте хоробрая,
Столько одна есте хлебоаять.

При повторной записи не обошлось и без определенных потерь. В двух случаях пропуск отдельных строк (41—42, 80) привел к упрощению трехчастных формул — в них осталось только по два элемента. Сошлемся на один пример. Во время первой записи Рябинин так описал расправу Микулы с мужиками-разбойниками:

Который стоя стоит, тот и сидя сидит,
А который сидя сидит, тот и лежа лежит,
А кой лежа лежит, тот и век не стоит.

В повторной записи последний стих отсутствует. Сказитель опустил также пренебрежительное обращение мужика-пахаря к князю, который не сумел по достоинству оценить его соловую кобылку: «*Глупый Вольга Святославгович!*». Из подстрочного примечания Рыбникова выясняется, что Рябину было известно и продолжение быliny — поездка Вольги и Микулы за данью и усмирение взбунтовавшихся мужиков¹². Традиционность этого эпизода подтверждается тем, что он фиксировался не только в Прионежье, но и на Кенозере¹³. Видимо, певец сознательно от него отказался, отчего былина только выиграла: стала более компактной. Чутье истинного художника подсказало ему, что рассказ о поездке Микулы с Вольгой избыточен, превращается в развернутую постпозицию, ничего нового не добавляя к характеристике обоих героев.

Следует отметить, что Т.Г. Рябинин отличался удивительным умением даже в дефектных текстах добиваться относительной цельности и завершенности. Из двух фрагментарных вариантов «Михайла Потыка», принадлежащих к разным версиям сюжета¹⁴, он скомпоновал внешне вполне стройный и законченный рассказ о женитьбе богатыря на

девице-лебеди¹⁵. При этом был опущен неуместный в данном сюжете эпизод освобождения другой девушки из «разбойничьего стана»¹⁶, перенесенный из баллады «Девушка в татарском плену». Добавив ряд деталей, характеризующих захват Москвы литовским войском:

У Литвы Москва да попризанята,
А й все дома у Литвы да призаставлены,
А й оружьямы литовскима магази принаполнены...

а также краткое описание бегства чужеземцев и былинную концовку «Еще тым эти дела покончились», сказитель довел повествование до логического конца. В записи Рыбникова это произведение напоминало конгломерат случайных, не связанных между собой эпизодов и деталей.

Заменяя одни формулы другими или вводя в свои старины новые детали и подробности, Т.Г. Рябинин, как правило, не импровизировал. Одно из немногих исключений — описание возвращения Ивана Годиновича в Киев после казни неверной невесты. Констатирующая формула в записи Рыбникова подкупает своей лаконичностью:

А приехал Иванушка сам собой.

При повторном исполнении певец перенес акцент на психологическое состояние героя и нашел для этого не менее выразительную формулу, не имеющую аналогов в других вариантах:

А приехал-то Иванушко Годинович
А й по вечеру он да поздешенько,
А он крадчи-то заехал на широкой двор,
Бояцись пришо в полату белокаменну
Да й ко славному ко князю ко Владимиру.

В большинстве других случаев сказитель не выходил за рамки традиции, быстро и безошибочно находя в своем богатейшем художественном арсенале нужные эпические формулы. В той же былине об Иване Годиновиче варьирование коснулось формулы быстротекущего времени.

В записи Рыбникова:

День за день, как трава растет,
Год за год, как вода текет....

В записи Гильфердинга:

Они в день едут по красному по солнышку,
Они в ночь едут по светлому по месяцу,
Ускоряют-то дороженьку чистым полем.

В былине «Илья Муромец и дочь его» в более раннем варианте против поляницы поочередно выезжают Алеша Попович и Добрыня Никитич, но оба не смеют вступить в бой. В записи Гильфердинга на поединок сразу отправляется Илья Муромец. Был еще и третий вариант, отмеченный Рыбниковым в подстрочном примечании: раздумья

Ильи Муромца о том, «кого послать в раздольице чисто поле», и отвод обоих крестовых братьев. В этом же произведении дочь богатыря называет своей родиной то Литву¹⁷, то «землю тальянскую»¹⁸. Варьирование географических названий и других имен собственных — не редкость у Т. Рябинина. Дюк Степанович и Чурила Пленкович соревнуются в перепрыгивании на конях через «Непру-реку» (запись Рыбникова), а в записи Гильфердинга фигурирует «Пучай-река». Мать Добрыни певец сначала именовал «Офимьей Александровной»¹⁹, а через десять лет использовал другое, но тоже обычное для прионежской традиции имя — «Мамельфа Тимофеевна»²⁰.

Анализ старин Т.Г. Рябинина заставляет настороженно относиться к тезису о высокой степени устойчивости текстов сказителей творческого склада. Примерно такая же картина вырисовывается при сличении былин ряда других классиков русского эпоса — Н. Прохорова, П. Калинина, А. Сорокина, Ф. Конашкова. Чуть более стабильны варианты А. Чукова, И. Сивцева-Поромского, И. Фофанова.

Современник и земляк Т. Рябинина В. Щеголенок считается едва ли не самым ярким представителем импровизационной манеры исполнения. Но две его эпические песни — «Ставр Гоудинович» и «Птицы и звери» — опять-таки не соответствуют репутации этого сказителя. Варианты, записанные в разное время, традиционны по содержанию и стилю, отличаются устойчивостью фольклорных стереотипов, местами совпадают почти дословно. В частности, использованная в «Ставре» формула хвастовства героя является самой развернутой и чеканной во всем Прионежье. Не случайно В.П. Авенариус полностью включил ее в свою сводную былинку о Ставре²¹. Правда, сказанное относится к двум записям этой старины, сделанным П. Рыбниковым и М. Гурьевым²². Гильфердингу Щеголенок пропел краткий, композиционно рыхлый вариант²³, изобилующий обычными для него амплификациями; в тексте заменены даже имена главных героев (вместо Ставра и Василисы фигурируют Добрыня и Настасья).

Особой пестротой отличается эпический репертуар Г. Якушова. Среди двадцати с лишним записанных от него старин есть тексты, практически не выходящие за рамки пудожской традиции («Илья Муромец и Калин-царь», «Илья и Идолище», «Илья и Сокольник», «Чурила и Катерина») и настолько близкие к былинам его главного учителя Никифора Прохорова, что исполнителя в пору объявлять сказителем-передатчиком. В целом ряде произведений переплетаются элементы, характерные для разных певцов старшего поколения («Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», «Добрыня и змей», «Наезд литовцев», «Соловей Будимирович»), что является признаком творческого подхода к прототекстам. А рядом с ними — аморфные, стилистически небрежные варианты, едва ли не наполовину состоящие из тирад импровизационного характера, которые редко удавались Якушову. Хотя от него не было сделано повторных записей, непреднамеренное дублирование развернутого эпизода в былинке «Илья и Идолище»²⁴,

повторяющиеся описания и монологи свидетельствуют о доминировании бесформульных стихов (термин Б.Н. Путилова), большом удельном весе незначимых слов, неспособности сказителя буквально через две-три минуты повторить тот или иной фрагмент без существенных изменений. Сошлемся на конкретные примеры.

На третий день да ён да отправилси, —
Идет-бредет домой да дороженькой,
Как идет-то калика переходя,
Как сустрету попал да старой казак,
О клюку-тот ён операется,
Увидал Иванишо могучего, —
Сыра под им земля колыбается,
Идет-то калика колыбается,
Идет Иванишо, все шатается.
Сыра под им мать-земля подгибается.
Как увидел Илья с далеко его,
Он видит тут Илья с далеко его...²⁵
Как наежжал-то видь на добром кони:
«Есть ли тут ише не каличишо,
Есть ли сильнёе да богатырь ведь».
А ведь царь да ведь, был-то ведь...²⁶
Как тут-то ведь да ведь этак тут...²⁷

В былине «Илья и Калин» Якушов использовал характеристику богатырской поездки, не уступающую классическим образцам фольклорного стиля:

Направляй-ко ешо да добра коня
Через стену ты городовую,
Через башню ты наугольную²⁸.

А на следующий день в старине о Дюке Степановиче от чеканного фольклорного стереотипа не осталось и следа:

Через башни видь скакал видь городовые,
А направливат да на угольную.
А бежит его да добрый конь,
А бежит-то видь ёго да тут да конь,
Через стены он, конь богатырских,
Через башны он городовии,
Что ни скацет, наугольнии,
Наугольнии, что ни большии²⁹.

Если в его былинах так подвижны устойчивые элементы, то естественно предположить, что «переходные места» при каждом новом исполнении варьировались еще больше. Таким образом, Г. Якушова нельзя безоговорочно отнести ни к одному типу исполнителей по классификации А.М. Астаховой.

Не поддаются однозначной оценке и тексты сказителей, усвоивших большинство своих эпических песен из печатных источников. В репертуаре А. Пашковой преобладают былины, в которых книжные эле-

менты дополняются бытовыми и психологическими деталями собственного сочинения, многочисленными перенесениями из других былинных сюжетов, волшебных сказок, причитаний, («Святогор и тяга земная», «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» и др.). В «Трех поездках Ильи Муромца» большинство эпизодов сочинено или настолько переосмыслено исполнительницей, что их связь с традиционным сюжетом почти не просматривается. Но вместе с тем от нее записаны былины, чрезвычайно близкие к книжным прототекстам («Вольга и Микула», «Садко»³⁰). Н. Кигачев, как правило, заучивал эпические песни по хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» и воспроизводил их с большой точностью. Немногочисленные попытки изложить содержание былин по-своему («Ставр Годинович»³¹) или дополнить прототексты формулами собственного сочинения («Дунай-сват»³²) сказителю определенно не удавались³³.

У Марфы Крюковой импровизационное начало проявлялось буквально во всем — от варьирования лексики, фольклорных стереотипов, сочинения новых эпизодов до оформления в былинном стиле летописных сказаний («Про князя Владимира и Рогнеду»³⁴) и создания оригинальных сюжетов («Илья Муромец поехал на горы Аравийские», «Добрыня и Микула Селянинович», «Как Дюк Степанович женился на Марфе Митриевне»³⁵) и т.п. Однако стихия личного сочинительства и характерная для сказителей-книжников «всеядность», готовность усваивать оригинальные детали и формулы из любых источников проявляется не во всех текстах Крюковой. Более 10 ее былин по содержанию не выходят за рамки местных модификаций сюжетов, а в некоторых старинах и стилистические отклонения от традиционных канонов минимальны («Хотен Блудович», «Козарин», «Глеб Володьевич»³⁶ и др.).

Особый интерес представляет сопоставление разновременных записей эпических песен от тех же исполнителей. В 1937—1938 гг. от Марфы Крюковой были повторно записаны и позднее опубликованы три традиционные былины. По своему лексическому составу и стилистике они заметно отличаются от вариантов, записанных А.В. Марковым в 1899 г., что лишний раз подтверждает импровизационные наклонности исполнительницы. В содержательном плане наиболее устойчивой оказалась старина «Святогор и Илья Муромец»³⁷. Спустя без малого четыре десятилетия в ней сохранились практически все ключевые сюжетообразующие мотивы, позаимствованные из варианта кижанина Л. Богданова³⁸. Опущены лишь элементы ретроспективного характера — воспоминание Ильи о предсказанной ему непобедимости, подробный рассказ жены Святогора о своем замужестве и превращении в могучую поляницу после того, как по приказу мужа она осушила недопитый им «*стоکان браги*». В двух других старинах диапазон расхождений гораздо шире. Крюкова разделила контаминированную былинку о Добрыне на два самостоятельных произведения — «Добрыня и Настасья» и «Добрыня и Алеша»³⁹, заменила имя «*Соловей Соловьевич*»

на традиционное «Соловей Будумирович» («Будимирович»). Она сохранила не только важнейшие эпизоды и мотивы собственного сочинения (Добрыня трижды неудачно пытается застрелить из лука «полицу приудалю»; князь Владимир лично сообщает его матери и жене о мнимой смерти богатыря), но и дополнила их другими индивидуальными новациями. Добрыня все-таки побеждает Настасью в борцовском поединке; Забава Путятична без обиняков заявляет: «Я сама разве просватаюсь» (в записи Маркова сватается Соловей, что почему-то повергает невесту в смятение).

Изменения такого рода характерны для творческой манеры М. Крюковой. Но в повторных записях обнаруживается немало отсутствовавших прежде оригинальных и даже уникальных деталей и формул, через фигуру восходящих к классическим вариантам. Это — упоминание «чуди неучоной» и «сорочины двоеглазой» (ср. формулу Кирши Данилова — «чудь белоглазая, сорочина долгополая»⁴⁰, нестандартные детали в описании тела якобы убитого Добрыни, позаимствованные из старины заонежских певиц П. Макаровой и П. Пастуховой⁴¹; редкие формулы других сказителей из Кижей и Повенца (Настасья спрашивает у отъезжающего мужа: «Когда в окошечко велишь же мне посмотреть?» — ср. Т. Рябинин и Н. Богданова-Зиновьева⁴²; сентенция князя Владимира о горькой участи вдовы: «Как одной-то жить тебе, Настасьюшка, долгой век тебе покажется» — ср. А. Чуков⁴³). Вторая часть былины о Соловье Будумировиче стала гораздо ближе к варианту Кирши Данилова. Если в первой записи во время отлучки жениха на Киев нападает «царишио Грубиянишио» (имя перенесено из духовного стиха о Егории Храбром), требуя выдать за него Забаву Путятичну, то в более позднем варианте на ее руку претендует «Давид корабельщик Корабликов», распускающий ложные слухи о заключении Соловья в тюрьму (то же в уральском сборнике, где соперником героя является «голой шап Давыд Попов»⁴⁴).

Анализ повторных записей свидетельствует о том, что столь же неустойчивыми были тексты большинства других исполнителей, чье эпическое знание имеет книжные источники. В сборнике Н.Г. Черняевой «Русские эпические песни Карелии» опубликованы былины пяти таких сказителей — П. Горшкова, М. Самылина, А. Трухавой, А. Пашковой и А. Фадеевой⁴⁵. Только у Трухавой все четыре эпические песни, включая и фрагментарные, оказались на редкость устойчивыми. За шесть лет (с 1932 по 1938 г.) практически не изменились ни объем текстов («Добрыня и змей» — 264/270 стихов, «Дюк Степанович» — 377/407, «Михайло Потык» — 93/98, «Ставр Гоудинович» — 76/80 стихов), ни набор типовых формул. Все обнаруженные изменения не принципиальны по характеру, не влияют на содержание эпического текста и проявляются в повторении отдельных фраз, перестановке строк, синонимичных заменах («Хочешь выдати девицу за женщину/девицу», «брал он хлеба/запасы туда на три месяча», «змеи поклевучии/поедучии», «птицы поедучии/поклевучии», «родна/добра матушка», «широ-

кой/стоялой двор»). Сказительница почти без изменений сохранила отдельные искажения, нестандартные слова и словосочетания, имена собственные (на Добрыню как на потенциального освободителя Забавы от змея указывает **Вольга**; Ставр Годинович именуется «**Ковром Единовичем**», а его жена — «**Настасей-королевичной**»; соперником Дюка оказался не Чурила Пленкович, а «**Самсон Самойлович**»; см. также наказ Дюка своему коню: «**А зарычи-ко там да ясным ясыком, ясным ясыком да ясным соколом**», нетрадиционное словоупотребление в ряде других формул: «**крес ведет да по писаному**», «**скоропивчата грамотка**», «**самоплавный белый лебедушки**», «**змея великая**», «**тащитка-ка Ковра Единова**»). Наличие альтернативных записей позволяет полагать, что к некоторым разноречиям певица не имеет отношения — они возникли в результате ошибок собирателей. 1932 г.: «**место в пире мне было почето** [почетное]» — 1938 г.: «**место-то в цару мне было почето**»; 1932 г.: «**А во Кееви-то люди все слухавши**» — 1938 г.: «**А во Кееви есть люди-то лукавши**»; 1932 г.: «**Уж как этим-то** [предупреждением об опасных заставах на пути в Киев — Ю.Н.] **меня не уговаривай**» — 1938 г.: «**Уж как этим ты меня да не уграживай**» (то же в сборнике Авенариуса).

Приведенные факты согласуются с выводами Н.Г. Черняевой⁴⁶ и позволяют считать А. Трухавую типичным сказителем-передатчиком. Однако с устной традицией Заонежья ее старины не связаны. Усвоила она их в юности, «слушая, как дядя читал их по книге», затем благодаря сравнительно частому исполнению выработала стабильные тексты, которые «помнила твердо, могла и спеть, и сказать своими словами»⁴⁷. Показательно, что незначительные расхождения в записях разного времени также восходят к печатным источникам, прежде всего — к «Книге былин» В.П. Авенариуса⁴⁸. Послы князя Владимира ошибочно принимают за мать Дюка ее нарядно одетую «**судомойницу**»; Забава Путятична в пещерах змеиных «**на стене прибита**»; она благодарит своего спасителя, сожалея, что не может назвать Добрыню родственником («**дядюшкой**», «**братиком**», а в прототексте — еще и «**другом да любимым**»); разговор Дюка с конем перед состязанием в перепрыгивании через Пучай-реку и др.).

От пудожанки А. Пашковой повторно записана и опубликована только одна былина — «**Дюк Степанович**»⁴⁹. Текст разросся в два с лишним раза — с 474 стихов в 1937 г. до 973 в 1941 г. Сказительница не только использовала дополнительные штрихи в описаниях, монологах и диалогах персонажей, но и включила в повествование развернутые эпизоды: преодоление трех застав на пути в Киев (строки 89—167), рассказ о состязании Дюка и Чурилы в перепрыгивании на конях через Пучай-реку (строки 617—736). В обоих случаях не приходится говорить о припоминании забытого. Пашкова не просто восстановила в общих чертах содержание этих эпизодов, а с большой точностью воспроизвела весь комплекс сопутствующих им мотивов, в том числе уникальные элементы вариантов Т. Рябинина («**крылышки подкожные**» у богатырских коней; замечание Дюка о том, что условия состязания

выгоднее его сопернику, так как он живет в Киеве «своим двором»). В тексте появилось немало новых подробностей, роднящих его с былинами других олонецких певцов XIX в. Подобные факты обнаруживаются в повторных записях от ряда других сказителей-«книжников». В былине П. Горшкова «Дунай-сват»⁵⁰ разночтения не принципиальны и их не так много. Добавилось несколько факультативных общеэпических формул, не влияющих на развитие сюжетного действия, в результате чего объем текста увеличился примерно на 10%. В «Ставре Годиновиче»⁵¹ амплитуда колебаний намного шире; за счет необязательных подробностей и повторов количество стихов возросло в полтора раза. Исполняя эту же старину, земляк Горшкова М. Самылин в 1926 г. многие эпизоды пересказал прозой⁵². При повторной записи в 1938 г. удельный вес стихотворных фрагментов повысился более чем вдвое, да и по содержанию она стала гораздо богаче⁵³.

Таким образом, в повторных записях книжных по происхождению былин вырисовывается странная тенденция — многие варианты становятся полнее и обстоятельнее, по содержанию и стилю все больше приближаются к печатным прототекстам. В условиях затухания эпической традиции эти аномалии можно объяснить только тем, что исполнители имели книги на руках и пользовались ими непосредственно перед записью, чтобы обновить в памяти ту или иную старину. В таких случаях объем варианта и его качественные параметры зависели не от типа эпической памяти, а от того, как давно и какие именно популярные сборники они читали⁵⁴. Так, Н. Кигачев в 1938 г. почти дословно воспроизвел былинку о Михайле Потыке из Сборника Кириши Данилова, заученную им по хрестоматии А. Оксенова. Спустя год от него записали компилятивный текст, первая часть которого примыкает к вариантам прионежских сказителей (в первую очередь — Н. Прохорова), а во второй на первый план выдвигаются мотивы и образы, позаимствованные из уральского сборника⁵⁵.

Изложенные факты и наблюдения позволяют внести определенные коррективы в устоявшиеся представления о типах эпической памяти сказителей. Классификацию А.М. Астаховой, полезную, а в ряде случаев и необходимую, нельзя применять безоглядно, ко всему репертуару певца. Стабильность текста былины во многом зависит от частотности ее исполнения, от того, входит она в активную часть репертуара или находится на периферии. По отношению к эпическим песням сказителей-«книжников» эта классификация вообще малопродуктивна.

Примечания

¹ Так произошло, например, с одним из лучших прионежских сказителей А. Сорокиным, которого большинство эпосоведов продолжает причислять к разряду импровизаторов, хотя записанные от него тексты не дают для этого никаких оснований (Подробнее см.: Новиков Ю.А. Былины Андрея Сорокина: К вопросу о творческой манере сказителя / М., Советская этнография, 1972. № 2. С. 88—97.)

² Былины Севера / Зап., вступ. ст. и коммент. А.М. Астаховой. М.; Л., 1938—1951. Т. 1—2. Т.1. С. 75.

³ Там же. Т. 1. С. 7; *Чичеров В.И.* Школы сказителей Заонежья. М., 1982. С. 37—76 и пр.

⁴ Не случайно все упомянутые произведения, кроме последнего, либо вообще не записаны А.Ф. Гильфердингом, либо записаны им в конце ноября — начале декабря 1871 г. в Петербурге, где собиратель имел возможность в спокойной обстановке выявить границы эпического знания своего гостя. В Кижях собиратель работал с Рябининым всего три дня, записав за это время также репертуар Т. Иевлева, С. Корнилова и несколько былин В. Щеголенка.

⁵ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: В 3 т. Петрозаводск, 1989 (1 т.); 1990 (2 т.); 1991 (3 т.). Ср. также списки 114—122 в этом же произведении.

⁶ Там же. Ст. 4—68.

⁷ Там же. Ст. 113—114.

⁸ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. № 20; Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1—3. М., Л. 1949—1951. № 88.

⁹ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым... Т. 1, ст. 19.

¹⁰ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым... № 3; Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом... № 73.

¹¹ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом... Т. II. С. 780—781.

¹² Песни, собранные П.Н. Рыбниковым... Т. I, 15.

¹³ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом... № 255.

¹⁴ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым... № 11, 12.

¹⁵ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом... № 82.

¹⁶ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым... № 12.

¹⁷ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым... № 5.

¹⁸ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом... № 77.

¹⁹ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым... № 8.

²⁰ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом... № 80.

²¹ Книга былин: Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии / Сост. В.П. Авенариус. 4-е изд. М., 1893. С. 54—66.

²² Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. № 75; Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н.С. Тихонравова и В.Ф. Миллера. М., 1894. Отд. 2. № 58.

²³ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом... № 124.

²⁴ *Чичеров В.И.* Школы сказителей Заонежья. М., 1982. № 6, ст. 50—104, 108—145.

²⁵ Там же. № 6.

²⁶ Там же. № 27.

²⁷ Там же. № 6.

²⁸ Там же. № 5.

²⁹ Там же. № 21.

³⁰ Былины Пудожского края / Подгот. текстов, ст. и прим. Г.Н. Париловой и А.Д. Соймонова. Петрозаводск, 1971. № 7; *Черняева Н.Г.* Русские эпические песни Карелии. № 22.

³¹ Былины Пудожского края. № 46.

³² Там же. № 44.

³³ Этому не противоречит создание Кигачевым целого ряда индивидуальных стилизаций под былины на советские темы («О разгроме Деникина», «О Кирове» и др.). Он сочинял их письменно, читал сотрудникам Петрозаводского научно-исследовательского института культуры, с учетом их замечаний вносил в рукописи необходимые изменения, затем просил отпечатать ему копию, по которой и заучивал «канонический» текст (Былины Пудожского края. С. 35)

- ³⁴ Былины М.С. Крюковой / Зап. и коммент. Э. Бородина и Р. Липец. Т. 1—2. М., 1939. № 42.
- ³⁵ Там же. № 10, 18, 56.
- ³⁶ Там же. № 59, 61, 79 и др.
- ³⁷ Беломорские былины, записанные А.В. Марковым. М., 1901. № 61; Былины М.С. Крюковой. № 8.
- ³⁸ *Новиков Ю.* Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб., 2001. 4, № 7.
- ³⁹ Былины М.С. Крюковой. № 26, 28.
- ⁴⁰ Древние российские стихотворения, собранные Кирилою Даниловым. № 21.
- ⁴¹ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом... № 168.
- ⁴² Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом... № 80; Былины Севера. № 109.
- ⁴³ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом... № 149.
- ⁴⁴ Древние российские стихотворения, собранные Кирилою Даниловым. № 1.
- ⁴⁵ *Черняева Н.Г.* Русские эпические песни Карелии.
- ⁴⁶ Там же. С. 10—13.
- ⁴⁷ Былины Севера. Т.2, С. 288.
- ⁴⁸ Книга былин: Свод избранных образцов...
- ⁴⁹ Былины Пудожского края. № 10; =12. №23.
- ⁵⁰ Былины Севера. № 158; *Черняева Н.Г.* Русские эпические песни Карелии. № 2
- ⁵¹ Былины Севера. № 159; *Черняева Н.Г.* Русские эпические песни Карелии. № 3.
- ⁵² Былины Севера. № 161
- ⁵³ *Черняева Н.Г.* Русские эпические песни Карелии. № 13.
- ⁵⁴ В семье Крюковых пользовались несколькими популярными изданиями былин; с разными книжными источниками были знакомы П. Горшков, А. Пашкова, Н. Кигачев.
- ⁵⁵ *Новиков Ю.* Былина и книга: Аналитический указатель... № 2, 3.